

Гэвин Слейд

Реорганизованная преступность

Мафия и антимафия
в постсоветской Грузии

Современная западная русистика

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Гэвин Слейд

**Реорганизованная преступность.
Мафия и антимafia в
постсоветской Грузии**

«Библиороссика»

2018

УДК 343.9
ББК 67.51

Слейд Г.

Реорганизованная преступность. Мафия и антимафия в постсоветской Грузии / Г. Слейд — «Библиороссика», 2018 — («Современная западная русистика» / «Contemporary Western Rusistika»)

ISBN 978-5-6045354-7-9

Правительства разных стран по всему миру борются с организованной преступностью. Грузия представляет собой особый интерес в этом отношении: государство смогло провести мощную кампанию по борьбе с мафией. В своем анализе ситуации Г. Слейд уделяет большое внимание как стратегиям государства и правоохранительных органов, так и пониманию динамики криминального мира Грузии. Привлечение данных полицейских досье, архивных материалов и многочисленных интервью придают книге особую ценность. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 343.9

ББК 67.51

ISBN 978-5-6045354-7-9

© Слейд Г., 2018
© Библиороссика, 2018

Содержание

Предисловие главного редактора серии Clarendon Studies In Criminology	6
Благодарности	8
1. Грузия: жизнь «по понятиям»	9
Независимость Грузии и слабость ее государственности	11
Вопрос устойчивости	15
2. Устойчивость и упадок мафиозных организаций	16
Очень краткая история советских воров	17
Определение воров в законе	21
Упадок мафиозных организаций	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Гэвин Слейд

Реорганизованная преступность Мафия и антимafia в постсоветской Грузии

Gavin Slade

Reorganizing Crime

Mafia and Anti-Mafia in Post-Soviet Georgia

Oxford

University Press

2013

Перевод с английского Михаила Тарасова

© Gavin Slade, text, 2018

© Oxford University Press, 2018

© М. Тарасов, перевод с английского, 2021

© Academic Studies Press, 2021

© Оформление и макет, ООО «Библиороссика», 2021

Предисловие главного редактора серии *Clarendon Studies In Criminology*

Предназначение книжной серии «Кларендонские исследования в области криминологии» (*Clarendon Studies in Criminology*) – обеспечить публикацию знаковых теоретических и эмпирических работ по всем аспектам криминологии и уголовного правосудия в их широком понимании. Редакторы с воодушевлением принимают к публикации труды состоявшихся ученых, а также талантливые кандидатские диссертации. Начало серии, первым главным редактором которой стал Роджер Худ, было положено в 1994 году в результате переговоров между издательством Оксфордского университета и тремя криминологическими центрами: Кембриджским институтом криминологии, Мангеймским центром криминологии Лондонской школы экономики и Центром криминологии Оксфордского университета. Под эгидой этих центров – каждый из них делегирует членов редколлегии и, в порядке очередности, редактора серии – она издается и сейчас.

Книга «Реорганизованная преступность: мафия и антимафия в постсоветской Грузии» Гэвина Слейда – желанное и весьма самобытное пополнение нашей серии. Это исследование организованной преступности (а точнее, мафии, известной как «воры в законе») в Грузии, преимущественно после распада Советского Союза. Как объясняет доктор Слейд, словосочетание «в законе» имеет значение «связанные кодексом», а именно воровским кодексом чести, также известным как «понятия». В книге анализируется первоначальное укрепление этой преступной сети в первые постсоветские годы, однако особое внимание уделяется пониманию причин ее упадка и фактического исчезновения после «революции роз» 2003 года, которая положила начало согласованной кампании, направленной против организованной преступности и коррупции. Как получилось, что к 2012 году Грузия превратилась из типичной постсоветской республики, охваченной организованной преступностью, в страну, в которой нет места для людей мафии? Анализируя это в убедительном повествовании, включающем в себя множество ярких, красочных историй о ворах в законе, автор предполагает, что успех стратегии борьбы с преступностью был обеспечен комбинацией как внешнего давления со стороны реформированных полиции, прокуратуры и судов, так и подорвавших устойчивость организованного преступного братства внутренних факторов, таких как упадок доверия к нему и понижение его статуса. И то, и другое связано с более масштабными процессами в политической экономике Грузии, в частности с заботой нового правительства о снижении коррупции и обеспечении (часто с большими социальными издержками) физической безопасности граждан с целью создания привлекающих внутренние инвестиции условий.

Книга Гэвина Слейда оригинальна и ценна как пример исследования в области, в которую трудно проникнуть. Свои языковые навыки и личные контакты он использовал для того, чтобы ознакомиться с массой оригинальных данных, таких как полицейские досье, судебные дела и архивные документы – а также провести пятьдесят одно интервью с целым рядом респондентов, включая полицейских и судебных чиновников, а также информаторов за пределами системы уголовного правосудия. Но книга важна еще и тем, что имеет значение для анализа организованной преступности в более общем плане. Она особенно примечательна в качестве редкой, хотя и вполне применимой «истории успеха», предлагающей стратегии, которые могут принести пользу, поскольку демонстрируют в устойчивости преступных сетей уязвимые точки.

В то же время, указывая на способные благоприятствовать преступности слабые места в системе мер уголовного правосудия в социально-экономическом контексте, она предостерегает от чрезмерного оптимизма.

Важно не делать слишком поспешные выводы, не проявлять самонадеянность, объявляя конец воров в законе в этой стране, не исключать возможность появления альтернативных мафий в разных обличьях. Правительство Михаила Саакашвили изначально нажило большой политический капитал благодаря своему противостоянию коррупции, борьбе с мафией и войне с преступностью, однако безработица, бедность и неравенство все еще остаются на чрезвычайно высоком уровне... С отсутствием жизненных перспектив во многих районах страны и тысячами людей, проходящих через тюрьмы, нельзя уверенно сказать, не обратятся ли некоторые люди, как только политика нулевой терпимости будет ослаблена, снова к преступности как к средству выживания, возможно, взяв за образец старый шаблон воровского мира, чтобы руководствоваться им в своих действиях.

Книга Гэвина Слейда является значительным вкладом в литературу, посвященную организованной преступности и возможному ее контролю, а также постсоветской преступности и уголовному правосудию в области, едва ли охваченной исследованиями. Мы рады возможности опубликовать ее в серии *Кларендонские исследования в области криминологии*.

Роберт Райнер
Лондонская школа экономики
октябрь 2013 года

Благодарности

Идею этой книги помогла мне сформулировать в 2006 году Дела Чахая. Это было в Тбилиси. Я также в огромном долгу перед семьей Мачарашвили, в доме которой я жил во время моих продолжительных исследований. Эта книга, возможно, никогда не была бы завершена без них. В Кутаиси меня приютила и заботилась обо мне семья Иоселиани. Мне очень помогли знания Георгия Глонти, Гиви Лобжанидзе и Лаши Брегвадзе. Большую помощь оказала мне организация Penal Reform International в Тбилиси: спасибо Майе Хасии, Эке Якобишвили, Цире Чантурии и Раиту Куузе. Морета Бобохидзе, Мари Габедава и Нана Лобджанидзе также активно содействовали мне в ходе исследования.

Спасибо Александру Купатадзе и Вахтангу Кекошвили, которые разделили мой исследовательский интерес к криминальному миру Грузии. За уделенное мне время и щедрую помощь я также хотел бы поблагодарить Ираклия Котетишвили, Хиору Тактакишвили, Шоту Утиашвили и Гию Сирадзе. Мое пребывание в качестве иностранного научного сотрудника в Caucasus Research Resource Center в Тбилиси в течение всего 2011 года оказалось чрезвычайно плодотворным. Спасибо за это Кобе Турманидзе и Гансу Гутброду. Я также благодарен Тимоти Блаувельту за советы по работе с архивами. И Элу Уотту и Уильяму Данбару за хорошую компанию в Тбилиси.

В Оксфорде, Великобритания, где я написал и защитил диссертацию, которая легла в основу этой книги, мне помогли Ян Лоудер, Федерико Варезе, Мэри Босуорт, Джудит Паллот, Лаура Пьячентини и Диего Гамбетта. Огромное спасибо Лие Чокошвили из Оксфордского языкового центра за долгие часы судейства в моем почти проигранном поединке с грузинской глагольной системой.

В Торонто, Канада, где я заканчивал эту книгу, мне очень помогли Мэтью Лайт, Мариана Вальверде, Питер Соломон и Анна Долидзе. Тобиас Акерлунд, Кристофер Берглунд и Паоло Кампана прочитали черновики отдельных глав книги и предоставили отзывы перед отправкой ее в издательство. Неоценимую помощь при подготовке русского перевода мне оказала Мира Аубакирова – я очень ей благодарен.

Мое исследование было поддержано стипендией Совета экономических и социальных исследований Великобритании, работа над английской версией книги стала возможна благодаря стипендии для постдокторантских исследований, финансируемой правительством Канады. Русский перевод этой книги был поддержан грантом социальной политики Назарбаев Университета, Казахстан.

Проведению исследований и написанию книги очень способствовала поддержка Андриани Фили. Моя сестра энтомолог Элеонора Слейд познакомила меня с биологическими и экологическими идеями, которые также нашли отражение в этой книге. Наконец, я выражаю благодарность моим родителям, Элисон и Виктору, которые воспитали во мне приверженность идее, что каждый должен иметь возможность получать образование; они возбудили во мне любопытство и привили любовь к получению знаний. Эта книга посвящена им.

1. Грузия: жизнь «по понятиям»

В январе 2012 года на окраине города Афины (Греция) полиция арестовала человека, разыскиваемого за множество преступлений в Испании, Франции, России и Грузии. Эти преступления включали в себя покушение на убийство, создание вооруженной группы, вымогательство, отмывание денег и, наконец, членство в мафиозном сообществе. Арестованного звали Лаша Шушанашвили. Лаша родился в грузинском городе Рустави, отсюда и его кличка – Лаша Руставский. Важно отметить, что Лаша считался правой рукой недавно убитого руководителя тбилисской организованной преступной группировки Аслана Усояна, также известного как Дед Хасан¹. Тбилисская группировка действовала большей частью в российской столице, городе Москве, и состояла в основном из грузинских экспатриантов, приехавших из столицы Грузии города Тбилиси и его окрестностей. Более того, у Лаши был особый, элитный криминальный статус большого босса, именуемого по-грузински «каноньери курди», то есть «вор в законе», и живущего по особому кодексу чести, называемому «понятиям»².

Он был возведен в ранг вора в законе в 1979 году во время отбытия шестимесячного тюремного заключения. Обладание этим статусом делает его признанным членом изначально советского, но пережившего распад Советского Союза преступного братства, существующего с 1930-х годов.

После ареста ему грозила экстрадиция из Греции в любую из вышеупомянутых стран. Сами греки обвинили его в подделке документов. Однако больше всего Лаша не хотел, чтобы его высылали на родину. По сообщениям прессы, «на допросе Шушанашвили неожиданно заявил, что готов отсидеть срок где угодно, кроме Грузии» [Грузия Online 2012]. На первый взгляд это кажется удивительным. После распада в 1991 году Советского Союза Грузия, небольшая горная республика с населением 4,4 миллиона человек, расположенная к югу от России между Черным и Каспийским морями, считалась одной из самых коррумпированных и криминогенных республик постсоветского пространства. Государственные институты были слабы, и им недоставало правового обеспечения; экономическая и социальная жизнь большей части населения Грузии протекала вне рамок законности. На фоне слабости центрального правительства особенно высок был статус полевых командиров и преступников. Подобные Лаше воры в законе были романтизированы и воспринимались как честные и несгибаемые люди, гибрид советского узника ГУЛАГа, известного как «блатной», и кавказского преступника-горца, известного как «абрек»³. Именно в них видели тех, кто осуществляет неформальное управление, арбитраж и принудительное исполнение приговоров.

¹ Дед Хасан был застрелен снайпером в Москве в январе 2013 года в связи с конфликтом его группировки с другими группами грузинского и азербайджанского происхождения [Roth 2013]. Конфликт, приведший к смерти Хасана, рассматривается в главе 5.

² В оригинале используется английский термин «thief-in-law», прямой перевод с русского «вор в законе», что означает «связанный законом», то есть кодексом чести воров, известным как «понятия». [Serio, Razinkin 1994] предлагают перевод «thieves professing the code» («воры, исповедующие кодекс»), хотя этот вариант довольно громоздкий. В Грузии используется грузинское выражение «каноньери курди», что опять же является непосредственной калькой с русского. Автор предпочитает использовать английский термин «thief-in-law» для простоты и в связи с его широким использованием в настоящее время в посвященных соответствующим преступникам англоязычных публикациях. В конце книги приводится глоссарий с некоторыми ключевыми терминами.

³ Понятие «абрек» на Кавказе воспринимается очень эмоционально. Подобно «социальному бандиту» Хобсбаума [Hobsbawm 1971], борющемуся за справедливость, хоть и рассматриваемому государством в качестве преступника, абреки, особенно в XIX веке, были преступниками, связанными с сопротивлением имперскому правлению. Хотя само слово, возможно, имеет осетинское происхождение [Вотьяков 2004], образ абрека стал широко распространен в Чечне и других республиках и автономных областях северного и южного Кавказа. В Грузии абреки также являются популярными фигурами и героями большого количества литературных произведений.

В течение многих лет для людей вроде Лаши Грузия была подлинной вотчиной. Тем не менее, как признал он сам, к 2012 году из образцовой постсоветской республики, в которой царит организованная преступность, Грузия превратилась в страну, совсем не подходящую для боссов преступного мира. Что же изменилось? На этот вопрос отвечает данная книга. Говоря коротко, она посвящена изменчивой устойчивости преступных групп и успеху государственных мер, направленных на снижение влияния организованной преступности. Если об организованной преступности в России написано много, книг, посвященных остальному постсоветскому пространству, весьма мало⁴. Тем не менее настоящая работа не является очередным повествованием об организованной преступности, просто перенесенным в нерусскую, но все же постсоветскую, обстановку⁵. Цель, как я объясню далее в этой главе и в главе 2, скорее, состоит в том, чтобы объяснить, как и почему организованные преступные группы могут (или не могут) противостоять натиску государства. При этом рассматриваются как государственная политика, так и динамика адаптации самих этих групп к меняющимся социально-экономическим условиям. В постсоветском пространстве Грузия является важным для изучения примером: ни одна другая республика бывшего СССР не проводила такой прямой антимafiaозной политики, как эта страна в 2005 году, и не заявляла о таких успехах в борьбе с организованной преступностью. Как в указанном пространстве, так и за его пределами опыт Грузии можно рассматривать для демонстрации того, как организованные преступные группы становятся уязвимыми и как относительно бедная страна, погрязшая, казалось бы, в проблемах, связанных с организованной преступностью, занимается ими, что приносит обществу как положительный, так и отрицательный результат.

Особое внимание в книге уделяется постепенной адаптации воров в законе к новым грузинским социально-экономическим реалиям постсоветского периода и помехам, которые эта адаптация создает государственным усилиям по борьбе с мафией. В ней также рассматриваются направленные против мафии законы и проводящаяся начиная с 2005 года политика. В сущности, книга рассказывает о том, как мафия и государство прошли через имевший место в Грузии после распада Советского Союза процесс «реорганизации» преступности, во многих смыслах этого слова. В следующей ниже вводной главе излагается краткая история Грузии и воров в законе с момента обретения этой страной в 1991 году независимости. Устойчивость указанной преступной группы, пережившей огромные изменения в социально-экономическом и политическом ландшафте последних лет, делает ее начавшееся в 2005 году движение к утрате своего влияния в Грузии еще более любопытным.

⁴ Несмотря на это см. [Kupatadze 2012], автора превосходного сравнительного анализа организованной преступности в Грузии, Украине и Кыргызстане с точки зрения государственного управления.

⁵ В частности, о России см. [Гуров 1995; Williams 1997; Shelley 1999; Varese 2001; Galeotti 2002; Volkov 2002; Oleinik 2003; Satter 2004; Serio 2008]. Книга опирается на лучшие из источников, в частности на Гурова, Варезе и Волкова.

Независимость Грузии и слабость ее государственности

Грузия провозгласила свою независимость от Советского Союза в апреле 1991 года⁶. Грузинам было не впервой добиваться свободы от колониального господства. Зажатая между империями Грузия на протяжении веков сталкивалась с нашествиями монголов, персов, османов и русских, сохраняя тем не менее уникальный язык⁷ и яростную, древнюю приверженность христианству и Грузинской православной церкви⁸. После получения независимости в 1991 году страна, однако, покатила по пути насилия, упадка и обнищания, поскольку с отделившимися автономными регионами Южной Осетией и Абхазией вспыхнули конфликты и, сначала в Тбилиси (декабрь 1991 – январь 1992), а затем в Западной Грузии (1993) разыгралась гражданская война. К середине 1990-х годов Грузия превратилось в ослабевшее государство – правительство не контролировало значительные территории, поступление налогов с населения прекратилось, а государственный бюрократический аппарат был коррумпирован и деморализован.

В это время люди по всей стране стали вооружаться. Часто это были этнические ополченцы, связанные с сепаратистской борьбой. Им противостояли национальные грузинские группы, включавшие сформированную в 1989 году организацию *Мхедриони* (в переводе с грузинского «Всадники») и Национальную гвардию. Обе группы были основаны и управлялись прошедшими через тюрьмы преступниками и, укомплектованные недисциплинированными рекрутами, быстро отделились от властных структур и занялись корыстной и вымогательской деятельностью. Эти группы входили в коалицию, силой свергнувшую в декабре 1991 года первого президента независимой Грузии Звиада Гамсахурдиа. В условиях вакуума власти Эдуард Шеварднадзе, бывший первый секретарь ЦК КП Грузинской ССР (1972–1985) и советский министр иностранных дел в правительстве М. С. Горбачева, был снова приглашен в Грузию и в 1992 году начал снова руководить страной.

Присутствие Шеварднадзе придало Грузии международный авторитет. Он приступил к созданию конституционной основы государства. А к 1995 году кооптировал такие внеправовые военизированные формирования, как *Мхедриони*, в государственные структуры и договорился о временном прекращении на территории Грузии вооруженных конфликтов. Шеварднадзе находился у власти в 1992–2003 годах. В течение этого времени его положение нередко было шатким. Правительство в Тбилиси утратило контроль над территорией страны, управляло одним из самых коррумпированных государств мира [Transparency International 2003]⁹ и имело в своем распоряжении минимальный бюджет.

Шеварднадзе оставался зависимым от неформальных договоренностей между центром и региональными лидерами, предоставляя им относительную автономию в обмен на лояльность режиму [Stefes 2006]. Грузины, народ, известный в советское время тесными социальными связями и культурой неформальной взаимопомощи, обращались к неформальным защитникам и помощникам в разрешении споров, что помогало налаживать жизнь.

⁶ Грузия была захвачена и покорена Советским Союзом в 1921 году. До этого, в 1918 году, она провозгласила независимость от России, создав недолговечную Демократическую Республику Грузия.

⁷ Грузинский язык не родственен индоевропейским и семитским языкам и является основным языком картвельской языковой семьи, не имеющей родственных языков за пределами Кавказского региона, хотя попытки связать грузинский язык с баскским и древним шумерским языками предпринимались.

⁸ Грузия была одной из первых стран в мире, принявших христианство. Подавляющее большинство грузин (около 90 % по данным переписи 2002 года) являются православными, хотя наличествует небольшой процент других конфессий и малочисленное мусульманское население, сконцентрированное в Абхазии, регионе, граничащим с Турцией.

⁹ В 2003 году Индекс восприятия коррупции, публикуемый «Трансперенси Интернешнл», поставил Грузию на 124-е место из 133 государств в мире с результатом 1,8 балла из 10.

В этом отношении конкурентное преимущество имела одна группа действующих лиц – воры в законе. С отступлением государства эти люди становились все более заметными. Профессиональные преступники, они имели в грузинском социуме тщательно культивируемую и основанную на мифологизированном прошлом репутацию почетных нарушителей закона. Среди всех советских республик Грузия была крупнейшим поставщиком воров в законе. После распада Советского Союза эта сомнительная честь сохранилась. По состоянию на 2004 год из примерно 1000 воров в законе на постсоветском пространстве 350 были выходцами из Грузии, что для страны, население которой составляло 2 % всего советского населения ([Глonti, Лобжанидзе 2004: 34]; см. также [Калинин 2001; Утицин 2006; Ворособин 2006; Данилкин 2006])¹⁰ является крайне непропорциональным числом.

В 1990-е годы воры в законе действовали в Грузии безнаказанно, внедряясь в легальную экономику и поддерживая своих покровителей в грузинском парламенте. Временами они казались более могущественными, чем правительство. Как утверждают, в июне 2003 года, председательствуя на заседании правительства в Тбилиси, Шеварднадзе признал: «воры в законе съели страну». При этом в марте 1992 года он сам был приглашен в Грузию известным воров в законе Джабой Иоселиани, который в то время входил в свергнувший президента Гамсахурдиа [Wheatley 2005; Zurcher 2006; Areshidze 2007] правящий триумvirат. Вышеприведенными словами Шеварднадзе отреагировал на известие о том, что один из известных воров в законе Тариэл Ониани сыграл важную роль в освобождении трех сотрудников Организации Объединенных Наций, взятых в заложники в Кодорском ущелье в Западной Грузии. Полномочный представитель Шеварднадзе в этом ущелье Эмзар Квициани с гордостью сообщил прессе о своих связях с ворами в законе и примененных методах спасения заложников [Devdariani 2003]. Действительно, Квициани был знаком с криминальным миром, поскольку его племянник Бачо Аргвлиани являлся инициатором воров в законе, и, используя неуправляемую полувоенную организацию *Монадире* («Охотник»), якобы подчиненную Министерству обороны Грузии [Edilashvili 2006], они вместе преследовали собственные цели на границе с отколовшимся регионом Абхазией.

Ко времени этого похищения недовольство правлением Шеварднадзе выросло, в особенности из-за ошеломляющей коррупции в стране и отсутствия функционирующего государственного бюджета. В ноябре 2003 года спорные результаты парламентских выборов вызвали массовые протесты, приведшие к мирному свержению Шеварднадзе. Этот захват власти стал известен как «революция роз»¹¹. В результате молодой юрист и бывший министр юстиции Михаил Саакашвили и его партия «Единое национальное движение» (ЕНД) на относительно свободных и справедливых выборах [OSCE 2004a; OSCE 2004b] в 2004 году на волне популярности вошли в правительство.

Несмотря на то что реформы были зачастую спорными, они отличались быстрыми темпами, масштабностью и сумели преобразить Грузию. Их суть заключалась в возрождении монополии государства на насилие на всей контролируемой им территории. Местным лидерам был брошен вызов, и центральное правительство одержало верх. Полиция и тюрьмы были

¹⁰ Напрашивается очевидный вопрос: учитывая, что воры в законе в принципе могли быть выходцами из всех национальностей и уголков советского, а затем и постсоветского региона, почему именно Грузия произвела их так много? На этот вопрос нет простого ответа. Я приведу основные пункты объяснения выдающегося положения Грузии (и отдельных ее регионов) в производстве воров в законе в заключительной части работы и коснусь этой темы в главах 3, 5 и 6.

¹¹ «Революция роз» была одной из так называемых «цветных революций», которые произошли в середине 2000-х годов на постсоветском пространстве. К ним относятся «оранжевая революция» на Украине (2004) и «тюльпановая революция» в Кыргызстане (2005). Эти революции имели некоторые общие черты. Все они использовали молодежные группы, которые в той или иной степени самоорганизовались по образцу движения «Отпор», сыгравшего значительную роль в успешном свержении Слободана Милошевича в Сербии в 2000 году. Все цветные революции возникли как мирные уличные протестные движения после спорных выборов. Они требовали политических перемен, прекращения политической коррупции и получали прямую и косвенную поддержку Запада.

массово очищены от коррумпированных чиновников, а 17 тысяч сотрудников Министерства внутренних дел были уволены и заменены новыми людьми [Kupatadze et al. 2007]. Ввиду возросшей нагрузки на суды были введены в юридическую практику соглашения о признании вины, были также построены новые тюрьмы и введен принцип нулевой терпимости ко всем преступлениям, в результате чего число заключенных в период с 2003 по 2010 год подскочило на 300 % [Slade 2012a].

В этом контексте организованная преступность стала главной мишенью нового правительства. В 2005 году была развернута кампания по борьбе с мафией. Ее главной мишенью были воры в законе. Развернутая в соответствии с сицилийским опытом, эта кампания имела три направления атаки. Во-первых, в законодательство были внесены изменения, которые криминализировали саму принадлежность к преступным сообществам, известным как *курдули самкаро*, или «воровской мир», а также обладание статусом вора в законе. Новые законы позволяли конфискацию имущества, приобретенного незаконным путем. Уголовный кодекс был изменен так, чтобы выделить для содержания воров в законе специальную тюрьму вдали от других заключенных при исключительно суровом режиме. Во-вторых, как уже упоминалось, пенитенциарная система и полиция были очищены от коррумпированных элементов, которые ранее вступали в сговор с ворами в законе. Этим был ликвидирован буфер покровительства, который в прошлом защищал воров в законе от действий государства. В-третьих, несколько позже на низовом уровне была начата программа гражданского просвещения, которая способствовала «правовой социализации» и объясняла негативные последствия организованной преступности.

Кампания, несомненно, была успешной. К июню 2006 года генеральный прокурор сообщил, что в Грузии не осталось ни одного не сидящего в тюрьме вора в законе [Лента 2006]. К 2007 году только 7 % респондентов в национальном опросе избирателей сообщили о положительном отношении к ворами в законе [International Republican Institute 2007]. В недавнем репрезентативном исследовании преступности, проведенном Грузинским международным центром общественного мнения и маркетинга [GOR-BI 2010], 70 % респондентов заявили, что авторитет воров значительно снизился; 10 % – что он несколько снизился; а 6 % – что он был потерян. Индекс организованной преступности Всемирного экономического форума (World Economic Forums Organized Crime Index), показав заметные улучшения в период с 2004 по 2006 год [Kupatadze 2012: 10]¹², подтверждает прогресс Грузии.

Конечно, это не означает, что вся организованная преступность, более широкая категория, определяемая как долговременные преступные действия, совершаемые с участием многочисленных координируемых субъектов, пытающихся монополизировать торговлю каким-либо незаконным продуктом или услугой с использованием насилия или угрозы насилия [Schelling 1984; Varese 2010], была в Грузии полностью ликвидирована. Организованная преступная деятельность, такая как торговля наркотиками, организованная проституция, незаконные игорные синдикаты и контрабандная перевозка людей, все еще имеет место. Однако есть некоторые свидетельства того, что с началом борьбы с ворами в законе число таких случаев значительно уменьшилось. Хотя трудно судить об уровне организованной преступности конкретно, последние исследования в этой области показывают, что уровень виктимизации среди жителей Грузии значительно снизился и достиг уровня, существовавшего до 1991 года, более низкого, чем во многих частях Западной Европы, а чувство безопасности значительно усилилось. Респонденты неизменно объясняли это двумя взаимосвязанными реформами: полицейской реформой и политикой борьбы с мафией [GOR-BI 2010].

¹² Показатели верховенства права в Грузии, измеренные Всемирным банком, также значительно улучшились, опять же см. [Kupatadze 2012].

Существует целый ряд причин, по которым в грузинском контексте борьба с ворами в законе должна была предшествовать общему ослаблению организованной преступности. Во-первых, воры в законе и их сообщники не только часто действовали в сфере организованной преступности, такой как незаконный оборот наркотиков или отмывание денег, но и, будучи мафией¹³, обеспечивали дополнительные функции управления – защиту и арбитраж – в преступном мире, что делало возможной координацию между преступниками и, следовательно, способствовало организованной преступности. В сущности, воры в законе создали трест, необходимый для функционирования преступного мира. Во-вторых, правила и иерархия «воровского мира» были ориентиром для большей части криминального бизнеса в Грузии. Именно из-за этого политика борьбы с мафией предусматривала забрасывание широкой сети, вылавливающей людей, которые, лично имея с ворами в законе очень мало общего, вели организованную преступную деятельность в условиях «воровского мира», тем самым подвергая себя риску сурового наказания в соответствии с новыми законами.

Таким образом, политика борьбы с мафией играет важную роль в объяснении более общих тенденций к повышению уровня безопасности, снижению уровня виктимизации и сокращению организованной преступности в отличающемся высоким уровнем насилия регионе мира. Важно подчеркнуть значение государства и его политических установок, включающих в себя использование как наилучших международных практик в форме копирования передовой политики и перенимания опыта, так и наихудшей местной практики в виде нарушений прав человека и существования карательного и жестокого режима. Посвященная этому дискуссия рассматривается в главе 4. Однако нам еще предстоит поинтересоваться, почему сам воровской мир не смог противостоять государству. Как показано в главе 2, устойчивость организованных силовых групп к государственному давлению во всем мире весьма неодинакова. Как же объяснить такую вариативность?

¹³ Рассмотрение того, как я использую этот термин, см. в главе 2.

Вопрос устойчивости

Последствия политики борьбы с ворами в законе чувствуются в Грузии очень остро. Успешный на первый взгляд результат и победа государства вызывают недоумение по целому ряду причин. Во-первых, непонятно, почему эта политика практически не встречала устойчивого сопротивления – по сравнению, например, с реакцией сицилийской мафии, которая убивала судей и проводила кампанию террора, когда государство выступило против нее в 1992 году [Jamieson 2000; Schneider, Schneider 2003]¹⁴. Во-вторых, результат тем более загадочен, поскольку за свою долгую историю воры в законе уже пережили множество внешних ударов. Что же изменилось на этот раз, если вообще что-то изменилось? В-третьих, как мы можем объяснить все эти успехи, учитывая, что до «революции роз» проблема организованной преступности на постсоветском пространстве и в Грузии в частности рассматривалась как неразрешимая и считалась естественной особенностью культуры, а также социально-экономического ландшафта в этой части мира? Ответы на эти вопросы имеют значение за пределами Грузии, как в ближайшем регионе, так и вообще в странах, где организованную преступность якобы невозможно искоренить. Они также явно имеют отношение к общему исследованию организованной преступности и политике борьбы с ней.

Вот кажущийся очевидным ответ: политика борьбы с мафией, проводимая грузинским правительством, была настолько широкомасштабной и жесткой, что фактически эту мафию уничтожила. Однако это слишком упрощенная точка зрения, что и продемонстрировано в данной книге. Отдавая должное политике грузинских властей, она рассмотрит загадку того, что случилось с ворами в законе в Грузии, с другой точки зрения – с точки зрения самих преступников. Вопрос, на который эта книга ищет ответ, таков: почему мафия в Грузии не смогла дать отпор, когда государство бросило ей вызов? Этот вопрос можно более специфично сформулировать следующим образом: *как объяснить низкий уровень устойчивости имеющих авторитетный криминальный статус вора в законе лиц к антимафиозной политике в Грузии, проводившейся с 2005 года?*

Для того чтобы показать, как воры в законе стали уязвимы для государственного давления, исследование будет опираться на теорию устойчивости к экзогенным шокам. Главный аргумент в этом случае будет состоять в том, что организованная преступность далеко не всегда получает удовольствие от вакуума власти. Так что в условиях неопределенности, высокого риска и нестабильности в Грузии после обретения независимости, под влиянием новых социально-экономических условий эффективность действий местной мафии снизилась, криминальная составляющая ее структуры оказалась неспособна к адаптации. Таким образом, как только в 2005 году в Грузии началась кампания по борьбе с мафией, воры в законе оказались дезорганизованными, крайне уязвимыми и неспособными оказать какое-либо скоординированное или устойчивое сопротивление. Данное тематическое исследование дополняет литературу, посвященную устойчивости преступных сетей и пониманию организованной преступности и политики борьбы с ней в бывшем Советском Союзе.

Книга включает шесть основных (3–8) глав, в которых анализируются переменные, влияющие на уязвимость и устойчивость организованных преступных групп применительно к ворами в законе. До перехода к ним следующая глава коснется более глубокой истории воров в законе до 1991 года. В ней также приводится краткое рассмотрение теории упадка мафиозных организаций и их устойчивости, которая служит основой остальной части книги. Эта глава также содержит примечание, посвященное используемым в книге методологии и источникам.

¹⁴ Тем не менее в главе 4 рассматриваются возможные акты сопротивления, имевшие место в Грузии.

2. Устойчивость и упадок мафиозных организаций

Воры в законе появились несколько десятилетий тому назад, скорее всего, в 1930-е годы. С тех пор произошли огромные потрясения и глубокие социальные преобразования. В 1950-е и 1980-е годы воры в законе были объектами целенаправленной политики. В период с 1930-х по 1980-е годы и вновь в 1990-е годы в социально-экономических условиях произошли резкие изменения. Учитывая долгую и бурную историю воров в законе, их с полным основанием можно назвать гибкими людьми. Эта устойчивость, по-видимому, была значительно снижена после того, как в 2005 году грузинское государство начало борьбу с ворами в законе – основная задача исследования состоит в том, чтобы объяснить снижение этой устойчивости. Главная цель данной главы – определить и рассмотреть важнейшие концепции книги, дать обзор литературы, посвященной упадку мафиозных организаций, и заложить основу для понимания переменных факторов, связанных с устойчивостью мафии. В этой главе также кратко комментируются источники данных и примененные методы. Сначала, однако, здесь дается очень сжатый обзор истории воров в законе, поскольку она тесно связана с ситуацией в Грузии. Эта история неопровержимо свидетельствует о проверенной способности своих героев противостоять государственному давлению и общественным изменениям.

Очень краткая история советских воров

В марте 2007 года президент Грузии Михаил Саакашвили обратился к парламенту с посланием о положении дел в стране. В 2005 году правительство Грузии ввело в действие политику борьбы с мафией, и теперь, похоже, настало время объявить о победе. Говоря о ворах в законе, Саакашвили заявил:

Костяк системы криминальных авторитетов сломан... некоторые из сидящих в этом зале говорили, что парламент маленькой независимой Грузии вряд ли сможет сделать то, что не смог сделать сам Сталин. Я хотел бы сообщить вам сегодня, что... десятки криминальных авторитетов предстали перед судом и были изолированы от общества [President's Office 2007].

Советского диктатора Иосифа Сталина, являвшегося этническим грузином, Саакашвили упомянул не случайно: воры в законе возникли в трудовых лагерях ГУЛАГа 1930-х годов [Солженицын 1974; Чалидзе 1977; Шаламов 1994; Эпплбаум 2015]. В расширяющейся лагерной системе Советского Союза при Сталине воры в законе составляли преступное братство, возглавлявшее тюремную иерархию. Такие иерархии существовали и до Советского Союза. До революции существовала категория *воров*, но она не была высокой и имела двадцать пять подкатегорий [Oleinik 2003:64]. По мере того как после революции тюремное общество перестроилось, одна из этих подкатегорий, *урки*, в конечном счете заняла в иерархии первое место. Выражение *вор в законе* стало титулом для тех, кто его получил, достигнув вершины тюремной иерархии, и таким образом были ассимилированы многие аспекты культуры *урук*. Именно в это время, в первые годы ГУЛАГа, возникли основные аспекты так называемого *воровского мира* — социального института иерархий, норм и ритуалов. Эти основные аспекты вкратце описаны ниже.

Слова «в законе» в именовании соответствующих воров служат отсылкой к кодексу чести, также известному как «понятия». Воры должны были придерживаться этого закона, подчиняясь ему так же, как это делают члены монашеского ордена [Tevzadze б.д.]. Наиболее важными положениями этого закона были:

- вор в законе никогда не должен работать, теперь или когда-либо, в тюрьме или за ее пределами;
- вор в законе не должен жениться, заводить семью или поддерживать семейные связи;
- вор в законе не должен сотрудничать с государством ни в какой форме;
- вор в законе должен участвовать в криминальном общем фонде (известном как *общак*) и воровских судах (известных как *сходки*);
- вор в законе должен быть честен с другими ворами;
- вор в законе должен быть предан воровской идее;
- вор в законе должен привлекать новых рекрутов, особенно из числа молодежи;
- вор в законе должен контролировать свою тюрьму и вводить там воровскую юрисдикцию, то есть превращать эту тюрьму в «черную» [Serio, Razinkin 1994; Подлесских, Терешонок 1995; Гуров 1995; Varese 2001; Глonti, Лобжанидзе 2004].

Из этих основных правил вытекало много других, касающихся таких вещей, как игра в карты и поведение с заключенными других рангов¹. Практики, которые были сформулированы

на основе этих правил, были в высшей степени ритуализированы. Братство собирало общие ресурсы, определяло права и обязанности членов друг перед другом, осуществляло взаимный контроль и предоставляло поддержку, охраняло границы своей группы [Гуров 1995; Varese 2001; Volkov 2002; Oleinik 2003; Глonti, Лобжанидзе 2004].

Инициация представляла собой сложную процедуру (см. главу 6), включающую в себя «коронование» кандидата. В Грузии ¹⁵ эта процедура называется «крещение». Тот, пройдя ее, становился вором в законе, и его ближайшие помощники были известны как *блатные* и являлись главными носителями и распространителями криминальной субкультуры. Представители этой субкультуры были разделены на ранги, именуемые «*масти*», подобно тому, как это сделано в игре в карты. После инициации воры в законе были формально равны по статусу и объединялись друг с другом для рекрутирования и инициирования новых членов, осуществления наказаний, а также «развенчивания», то есть снятия титула вора в законе с тех, кто нарушил воровской кодекс.

Обмен информацией был ключевым элементом расширения воровского мира в тюрьмах, а также стандартизации нормативных рамок и передачи ритуалов из одного места заключения в другое. Свою роль в этом играла и играет до сих пор ритуальная татуировка, а также рассылка своего рода информационного бюллетеня, известного как *малява* или *воровской прогон*. Благодаря такой практике ценности, ранги и правила воровского мира воспроизводились по всем тюрьмам. Индивидуальная репутация и статус были столь же подвижны, как и воровские нормы. Так, работавший в начале 1930-х годов с другими заключенными на Беломорканале Д. С. Лихачев описал «общие “коллективные представления”, которые делают поразительно похожими воров различных национальностей» [Лихачев 1935: 56].

Воры в законе тогда, как и сейчас, возглавляли тюремную иерархию и делегировали полномочия тем, кто находился непосредственно под их управлением. Последние известны как *авторитеты*. Воры вымогают деньги у занимающих подчиненное положение заключенных и коллективно объединяют ресурсы в общий фонд, известный как *общак*. Их помощники, именуемые *смотрящие* или, по-грузински, *макурэбэли*, следят за денежными ресурсами воров и блюдут их интересы¹⁶. Ссмотрящие – это прямые представители воров в законе. Они могут присматривать за *общаком* в камере или тюрьме, регулировать доступ к нему, оказывать поддержку содержащимся в тюремной больнице, а также контролировать карточные игры.

Ссмотрящие также руководят деятельностью тех, кому поручено выполнять для воров текущую работу. Такие люди называются *шестерки*, они собирают деньги, другие ресурсы, исполняют наказания, а также устраивают беспорядки, если им дано такое задание. Шестерки обычно входили в более крупную группу тех, кто поддерживал воров и отказывался работать, – таких называли *хорошлаки*, или, по-грузински, *кай бичеби*, то есть члены мафии. Далее следуют многочисленные категории заключенных из низших слоев тюремного общества. Одна из них – так называемые *мужики*, то есть «трудяги». Они не поддерживают воровской закон, выполняют различные работы и часто подвергаются эксплуатации. Ниже *мужиков* стоят *козлы*, заключенные, имеющие дурную репутацию и, возможно, являющиеся осведомителями или сообщниками администрации тюрьмы. На самом дне находятся *опущенные* – пониженные в звании – такие как гомосексуалисты, известные как *петухи*, и педофилы. Они считались самой низкой категорией заключенных, их никто не уважал, и все остальные помыкали ими [Долгова 2003: 355-56; Oleinik 2003; Глonti, Лобжанидзе 2004: 163].

¹⁵ Эти правила касались именно воров в законе и их ближайших помощников. Их не следует путать с более расплывчатыми «кодексами заключенных», которые предусматривают солидарность заключенных и враждебность к тюремной администрации. Они также существовали в ГУЛАГе, как и в тюремных системах по всему миру (см. [Akers 1977]).

¹⁶ По мнению Олейника [Oleinik 2003], это была гораздо более поздняя категория заключенных, появившаяся в постсоветский период.

Мириады правил регулировали отношения между различными категориями заключенных. Это касалось многих аспектов тюремной жизни, включая то, где люди спят, с кем едят, а также таких вопросов, как пользование и владение имуществом. Воры в законе, смотрящие, сторожа и хорошлаки считались живущими *по понятиям*, или, по-грузински, *гагебаши*. Понятия – это кодекс чести воров, их закон. Нижестоящие трудяги, козлы и петухи считались «мастями» более низкого уровня, *по понятиям* не живущими.

Эта иерархия сохранялась в советских тюрьмах и лагерях десятилетиями, претерпевая, впрочем, некоторые изменения. Период до 1940-х годов представляет собой время, когда воровской мир сохранял единообразие – с внутренними различиями, объясняемыми либо этнической принадлежностью, либо иными причинами, сглаживаемыми общим подчинением воровскому кодексу. Однако после окончания Второй мировой войны единообразие воровского мира, потрясенного до основ войной как таковой, подверглось испытанию на прочность. Нуждаясь в дополнительных людских ресурсах для остановки натиска фашистов в ходе их операции «Барбаросса» в 1941 году, Сталин освободил из лагерей часть заключенных для службы в так называемых *штрафных батальонах*. Тех воров в законе, которые ушли на фронт воевать с нацистами, коллеги обвинили в предательстве исконного воровского кодекса, запрещавшего иметь дело с государством, и, когда те вернулись в лагеря ГУЛАГа после войны, определили их статус словом «суки».

Так называемая *сучья война*, которая началась после Второй мировой войны между традиционными ворами, также известными как *законники*, и теми *суками*, которые нарушили кодекс, фактически уничтожила преступное братство. Это был, однако, не просто конфликт, который ослабил воров. Внутренние противоречия и негибкость воровского кодекса затрудняли следование ему во времена смуты. Глonti и Лобжанидзе предполагают, что в это время всеобщего дефицита чрезмерно усилилось вымогательство всего и вся у тюремных рабочих, то есть *мужиков*, которые в результате усилили свое сопротивление законникам [Глonti, Лобжанидзе 2004: 33–41]. Кроме того, массовый приток закаленных в боях арестантов, попавших в лагеря во время сталинской послевоенной паранойи, создал в них группы, которые примкнули к сукам. Сговор *сук* с лагерными властями также принес им в администрации влиятельных друзей, которые видели в *законниках* общего врага.

Последовавшие за окончанием Второй мировой войны изменения в Уголовном кодексе нанесли ворами в законе еще более сильный удар. Государственная собственность на имущество означала, что воровство является преступлением против государства и должно быть сурово наказано. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» послужил поводом для казни многих воров [Глonti, Лобжанидзе 2004: 37]. Начавшаяся политика десталинизации с самого своего начала не предполагала остановки наступления на воров в законе. К 1956 году на Северном Урале в Соликамске был создан исправительно-трудовой лагерь ИТК-6, предназначенный для содержания исключительно воров в законе, для того чтобы отделить их от основной массы обычных заключенных. Таким образом, к концу 1950-х годов институт воров в законе был настолько ослаблен, что практически прекратил свое существование.

Тем не менее, как указал Чалидзе,

несмотря на официальные заявления, преступный мир сохранился до наших дней, особенно его сектор, известный как воровской мир, который заслуживает того, чтобы считаться социальным институтом, поскольку он обладает внутренней сплоченностью и собственным этическим кодексом» [Chalidze 1977: 34].

К этому позднему советскому периоду «коллективные представления» 1930-50-х годов, описанные ранее Лихачевым, начали распадаться по этническому признаку. К 1985 году Мини-

стерство внутренних дел Советского Союза отметило этническое различие и продолжающуюся борьбу между славянскими ворами и грузинами [Глonti, Лобжанидзе 2004:125]. Главным фактором, испортившим отношения, стало отношение к воровскому кодексу. Грузины стали охотно заводить семьи и создавать династии, накапливать богатства и владеть собственностью [Serio, Razinkin 1994; Долгова 2003; Oleinik 2003]¹⁷.

У воров в законе появлялось все больше возможностей становиться богатыми. Период пребывания Л. И. Брежнева на посту Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза (1964–1982) был временем экономического застоя с острым дефицитом множества товаров. Благодаря этому «вторая экономика» выросла до огромных размеров, особенно в периферийных республиках, таких как Грузия и Узбекистан, где местная советская администрация организовала преступные группы с целью хищения государственных ресурсов. Воры в законе взаимодействовали друг с другом, распоряжаясь общими ресурсами, доступ к которым имели только они. В Грузии 1970-х годов вышедшие на свободу воры в законе начали в частном порядке осуществлять защиту и покровительство на бурно развивающемся черном рынке Советского Союза. В Грузии, по сравнению с большинством других советских республик, этот рынок оказался развит сильнее [Feldbrugge 1989; Alexeev, Pyle 2003]. Обеспечивая защиту и арбитраж действующим лицам черного рынка, воры в законе стали заметными фигурами в теневой экономике Грузии. Рынок подобных услуг расширился после 1985 года, когда М. С. Горбачев провел экономические реформы, названные *перестройка*. Он разрешил некоторые формы частного предпринимательства, известные как кооперативы, которые подвергались рэкету со стороны мафиозных групп [Jones, Moskoff 1991; Volkov 2002].

К концу 1991 года Горбачев ушел, и Советский Союз распался. Грузия была повергнута в смятение. Государственные институты рухнули, официальная экономика вошла в штопор. Тем не менее возможности для рэкета и криминала пережили взлет, поскольку капиталистические отношения были разрешены практически без защиты прав собственности. Как говорилось в главе 1, 1990-е годы в Грузии были для воров в законе временем беспрецедентных возможностей и влияния. Тем не менее к 2005 году государство провело против них успешную кампанию, нацеленную на борьбу с мафией. Снижение исторической устойчивости явления воров в законе к давлению государства и социальным изменениям является главным сюжетом данной книги. В следующей главе мы обсудим эту концепцию, однако прежде мы должны задаться вопросом: что такое устойчивость? Как определить воров в законе? Прежде всего я обращаюсь к этому вопросу

¹⁷ Хотя было бы неправильно утверждать, что между ворами в законе славянского севера и ворами кавказского юга произошел полный разрыв, термин, появившийся для определения тех, кто носит титул вора в законе, но не живет по первоначальным воровским понятиям, очень часто применяется к грузинам. Они стали известны как *апельсины*, или *лаврушишки*, то есть «рыночные торговцы лавровым листом». Некоторые из них могли просто купить титул вора в законе у других воров (см. главу 6). Эта практика не была исключительно грузинской, есть подобные случаи и за пределами Грузии, см. [Varese 2001; Lambert 2003]. Однако использование нового термина *апельсин* именно в применении к грузинам свидетельствует о том, что она более характерна для них, чем для кого-либо еще [Долгова 2003].

Определение воров в законе

Прежде чем полностью концептуализировать составляющие части устойчивости, мы должны сначала подумать о том, чья именно устойчивость имеется в виду. Долгова дала рассматриваемым нами действующим лицам вполне адекватное определение: «вор в законе – термин, ныне обозначающий лидера организованной преступной среды. Данный “титул” получает активный криминальный деятель, доказавший свою верность преступным идеям, связям, соучастникам, выполняющий широкие организационные функции в преступной среде» [Долгова 2003: 361]. Такие черты, как звание, лидерство, организационные функции и приверженность, очень важны и будут подробно рассмотрены в некоторых следующих главах этой книги. Развивая сказанное далее, полезно также подчеркнуть общие нормы, обычаи и ритуалы, которые проводят границу между ворами в законе и другими преступниками. Я определяю воров в законе как сетевых криминальных лидеров, которые коллективно участвуют в мафиозной деятельности, а также инвестируют в определенный социальный институт, известный как «воровской мир», состоящий из набора фиксированных ритуализованных практик и статусных маркеров, управляемый четко сформулированным, кодифицированным, но изменчивым сводом правил, который сам основан на более широких, более расплывчатых нормах поведения. Символы и нарративы, которые формируют практику этого института, являются еще одним конститутивным аспектом самого института. Представители этого института координируют свои действия, рефлексивно идентифицируют как носителей общего имени, предъявляют друг к другу претензии в плане прав и обязанностей, имеют общие «товарные знаки» своей коллективной идентичности и охраняют границы, отделяющие их от других. Эти аспекты указывают на особую форму социальной организации, известную как «сети доверия» [Tilly 2005].

Нам также должно быть ясно, что подразумевается под словом «мафия». Некоторые исследователи (например, [Serio 2008]) вполне справедливо предполагают, что использование термина «мафия» может затуманить смысл больше, чем прояснить. Это особенно верно на постсоветском пространстве, где понятие «мафия» обычно трактуется по-разному и чаще всего относится к слиянию политики, бизнеса и преступности [Ваксберг 1991; Galeotti 2002; Serio 2008; Kupatadze 2012] или даже просто к типу поведения [Reddaway, Glinski 2001]. В таком контексте термин «мафия» становится всем и ничем, и поэтому некоторые ученые просто отвергают его использование. Несмотря на эту путаницу, термин «мафия» будет использоваться в настоящем исследовании, но только в строго аналитическом смысле, для того чтобы отличить воров в законе от других типов организованных преступных субъектов.

Мафии определяются здесь как автономные образования, которые стремятся к монополии на предоставление услуг по защите, основанной, в конечном счете, на силе, в пределах данной территории [Gambetta 1993; Varese 2010]. Термин «организованная преступность» будет использоваться здесь как более широкая понятийная категория, включающая в себя, как классически определено Шеллингом [Schelling 1984], монополию на предоставление некоторых незаконных товаров или услуг на данной территории в рамках преступного мира. Воры в законе, как и мафия, являются, согласно этой точке зрения, подвидом организованной преступности, ключевой особенностью которого является функция управления и регулирования, выполняемая на нелегальных и незащищенных легальных рынках, основанная в конечном счете на угрозе и на воспроизводстве насилия [Reuter 1985; Gambetta 1993; Skaperdas 2001; Varese 2010]. Это отличие является важным: во многих отношениях мафии являются субъектами, которые обеспечивают доверие к преступному миру, обеспечивают соблюдение договоренностей и монополизируют защиту организованной преступной деятельности. В этом смысле давление на мафию может иметь чрезвычайно важное значение для ускорения снижения уровня организованной преступности в целом.

Однако это не означает, что мафия занимается только обеспечением защиты [Nelken 1995; Paoli 2003]. Она также может быть вовлечена в организованную преступную деятельность, такую как производство и распространение определенных товаров в незаконном секторе экономики. Объектами такой деятельности могут быть наркотики, проституция, угнанные автомобили, поддельные документы, торговля людьми и т. д. Тем не менее основная функция мафии заключается в арбитраже и обеспечении исполнения решений, защите легальных участников процесса и вымогательстве у них денег, а также в том, чтобы служить жизненно важной смазкой для винтиков механизма организованной преступной деятельности, снижая вовлеченным субъектам транзакционные издержки и обеспечивая доверительные отношения в естественно изменчивом преступном мире.

Очевидно, что существуют и другие характерные черты мафий с точки зрения их деятельности и структуры. Некоторые утверждают, например, что отличительной чертой мафии является использование коррупции для манипулирования государственными институтами [Anderson 1996] или развитие централизованных организационных структур [Franzini 1996; Skaperdas 2001; Leeson, Rogers 2012]. Однако неясно, в какой степени эти особенности отличают мафию от любого другого вида организованной преступности. Поэтому именно продажа защиты рассматривается нами как определяющая особенность мафии. Многочисленные задачи, которые мафия выполняет и за выполнение которых берет деньги, являются производными этой функции защиты. К таким задачам относятся разрешение споров, защита с использованием устрашения от других мнимых и реальных вымогателей, а также конкурентов, обеспечение исполнения договоренностей и простое вымогательство.

В реальности различие между защитой и простым вымогательством может быть размыто. До тех пор, пока нет конкуренции, предлагаемая рэкетиром защита исходит от опасности, которую для приобретателя защиты представляет сам рэкетир. Однако вымогательство может быстро превратиться в настоящую защиту – поскольку защитить клиента от других вымогателей, которые могут появиться на сцене, рэкетиру выгодно, и тогда акцент смещается с бизнеса вымогательства на обычную продажу защиты. Индустрия защиты пожинает плоды экономики, обусловленной ростом своего масштаба: с учетом расходов по обеспечению защиты одного человека, расширение такой деятельности до обеспечения защиты многих людей приносит увеличение отдачи при уменьшении затрат [Lane 1958; Нозик 2008; Tilly 1985]. Эта книга покажет, что указанные действия для грузинских воров в законе составляли их основной доход и что эти субъекты справедливо могут быть названы мафией.

У воров в законе как мафии есть и другие характерные черты, которые являются общими для других организаций, названных Чарльзом Тилли «сетями доверия». В своей идеальной форме такая организация в большей степени зависит от отношений (часто неформальных) доверия, солидарности и взаимности, чем другие формы социальной организации, такие как институты сотрудничества (профсоюзы, торговые гильдии и рынки) или авторитарные организации (например, предприятия или правительства) [Williamson 1983; Thorelli 1986; Burt 1995; Thompson 2003]. Сети доверия также отличаются от обычных межличностных связей, составляющих социальную жизнь. Они характеризуются следующими особенностями:

- а) отношения между теми, кто входит в сеть доверия, имеют определенное название (например, рыцари-тамплиеры, масоны, «Аль-Каида», триады, воры в законе), взаимно известное ее членам, которые могут коммуницировать как представители их общности;
- б) участие в этих отношениях дает всем членам некоторый минимум общих прав и обязанностей;
- в) члены сети отмечают и охраняют границы, которые отделяют их от внешнего мира, действуя исключительно за счет привлечения узкого круга

избранных из широких народных масс, назначая за выход из сети высокую цену и делая его дорогостоящим и редким;

г) сети доверия объединяют ресурсы, и это подвергает их членов большому риску неудач и неправомерных действий других членов, чем это бывает в других типах социальных организаций;

д) для структурирования отношений между своими членами сети доверия могут использовать некоторую степень принуждения и материального стимулирования, однако они всегда больше полагаются на нормативные обязательства [Tilly 2005: 44].

С точки зрения обязательств и подчинения нормам такие сети требуют от своих членов очень многого, однако отдача приходит в виде снижения транзакционных издержек, обладания общими правами и повышения безопасности. Члены сети пользуются доступом к общим ресурсам и льготам социального страхования от несчастного случая и инвалидности. Воры в законе демонстрируют многие из определяющих характеристик сетей доверия, хотя, как и во всех социальных организациях, эти характеристики могут с течением времени меняться.

Короче говоря, воры в законе действуют как мафия, и их организация имеет все особенности сети доверия. Ниже я покажу, какие выводы можно сделать из этой концептуализации воров в законе. Но сперва нам необходимо задаться вопросом, почему такие, как воры в законе, мафии приходят в упадок и что об этом говорят другие. А потом мы будем должны построить теорию устойчивости к разрушительным воздействиям. Я покажу, как сделанное Тилли описание особенностей сетей доверия поможет это сделать.

Упадок мафиозных организаций

Объяснить банкротство какой-то конкретной мафии или организованной преступной группы в каком-то конкретном случае пытаются многие исследования [Reuter 1995; Jacobs et al. 2001; Schneider, Schneider 2003; Zhang, Chin 2003; Vigna 2006; Huisman, Nielsen 2007; Paoli 2007; Johnson, Soeters 2008]. Большая часть этих исследований дает государственно-ориентированное объяснение такого банкротства. Использованию законодательства в стиле акта «О подпавших под влияние рэкетиров и коррумпированных организациях» для криминализации мафиозных ассоциаций¹⁸

¹⁸ Акт «О подпавших под влияние рэкетиров и коррумпированных организациях», или РИКО, был принят в США в 1970 году. Цель этого закона состояла в том, чтобы криминализовать практику влияния преступных объединений на бизнес. Он позволил ужесточить наказание за шаблонное преступное поведение – рэкет – и позволил компаниям, находящимся под контролем мафии, перейти под контроль попечительских советов, которые могли бы контролировать их деятельность. Он также позволил привлекать руководителей бизнеса к ответственности за заказ преступных деяний в составе преступного сообщества. Принятые наряду с этим законом программы защиты свидетелей и сделки с правосудием о признании вины способствовали сбору информации о деятельности организованных преступных групп и преследованию их членов [Reuter 1995; Jacobs et al. 2001].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.